

Научная статья

УДК 130.121

doi: 10.17223/1998863X/77/15

ВНЕВРЕМЕННОСТЬ СУБЪЕКТА

Елена Владимировна Косилова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
implicatio@yandex.ru*

Аннотация. Рассматривается свойство субъекта выходить из времени. Субъект выходит в трансцендентное квазипространство. План имманенции (во временном смысле слова) не допускает понимания, не допускает настоящего мышления. Мы полагаем свое мышление среди вневременных сущностей: ценностей, оценок, целей, проектов, истин. Проект мысли может разворачиваться во времени, но может и выходить ко всеобщим положениям. Таким образом, субъект двойственен.

Ключевые слова: вневременность, квазипространство, трансценденция, понимание

Для цитирования: Косилова Е.В. Вневременность субъекта // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 77. С. 177–192. doi: 10.17223/1998863X/77/15

Original article

ATEMPORALITY OF THE SUBJECT

Elena V. Kosilova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, implicatio@yandex.ru

Abstract. The article deals with the problem of time and the property of the subject to leave time. In temporal existence, the subject moves together with surrounding things in the same stream of time. However, within itself the subject emerges into a transcendental quasi-space. He builds it himself in his mental world. The layer of immanence (in the temporal sense of the word) does not allow for understanding, does not allow for real thinking. A conversation in terms of immanence can only develop according to the “stimulus-response” type, without a plan and without addressing one’s own idea of truth, since truth requires timelessness. The concept of “objectification” introduced by Whorf, as well as the ideas of the temporal horizon of Bergson and Husserl are considered. The second part of the article examines the timelessness of meaning. Meaning “lives” in the timeless space of meanings. The normativity of logic also has a timeless character. Even when we listen to music, we step out of time and constitute its pattern, the logic of its unfolding. The subject of music is the coagulation of time into intelligible structures. Reflection is considered as belonging to the timeless layer of consciousness. We place our thinking among timeless entities: values, assessments, goals, projects, truths. A project of thought can unfold in time, this is an intuitive type of thinking, but it can also reach universal positions. Thus the subject is dual. It belongs to two ontological regions: temporal and atemporal. The last paragraph of the article briefly discusses Losev’s theory “On the Method of Infinitesimals in Logic”, which states that the subject perceives the world through derivatives in the sense of mathematical analysis, and then performs integration in order to thus obtain an atemporal concept of a thing. In conclusion, I state that the mechanism for escaping time is still unclear, but the exit itself has been given to us. The subject’s relationship to transcendence is the subject’s exit from time. There would be no concept of time if there were no communion with the eternal.

Keywords: atemporality, quasi-space, transcendence, understanding

For citation: Kosilova, E.V. (2024) Atemporality of the subject. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 77. pp. 177–192. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/77/15

Субъект в борьбе против времени

Ход времени и субъект

Мы погружены в ход времени и ничего не можем с этим сделать. Время течет неумолимо. Во времени все изменяется, хотя что первично – время или изменение, – можно обсуждать. Видимо, если нет изменений, то говорить о времени бессмысленно, оно – мера движения, а изменение и движение – одно и то же. У Платона мир идей был не столько нематериальным, сколько именно неподвижным. В пещере же тени все время шевелились, тем привлекая внимание узников. Смотреть на неподвижное надо еще уметь. Даже если привлечь данные из психофизиологии зрения, известно, что неподвижные изображения на сетчатке глаза исчезают. То же и с мыслями, мы легко думаем о чем-то изменяющемся, нам трудно думать о том, что всегда одно и то же. Мы погружены в стихию времени и телом, и мыслями. Более того, в стихии времени тело и мысли не очень различаются, недаром современная эпистемология настаивает на сиюминутности, событийности познания и одновременно с этим на энативизме [1] – учении о том, что познание осуществляется телом не в меньшей степени, чем сознанием. Однако неподвижное существует, и мы его иногда познаем. Данная статья посвящена некоторым проблемам взаимоотношения субъекта и времени в том, что касается познания.

Проблема познания временных объектов состоит в том, что они движутся в потоке времени вместе с нами. Если бы время шло только в нашем разуме, а объект был бы неподвижен, мы легко засекли бы изменения (как если бы мы были в поезде, который едет мимо неподвижной платформы). Или если бы объект двигался, а мы стояли (как поезд идет мимо платформы, а мы на платформе), мы бы тоже легко видели изменения. Но в нашем случае и поезд, и платформа движутся в одном направлении. И познаваемое, и познающее находятся в одном потоке. В некотором смысле они друг для друга стоят (как будто два поезда едут вместе в одном направлении с одной скоростью). Поэтому темпоральные изменения для нас в основном переводятся в пространственные. Мы вряд ли можем засечь «чисто темпоральное» изменение, если оно никак не выражается в пространственном. К тому же то, что не выражается в пространстве, мы и не назовем изменением. Пространство выражает время.

С этим чувством всесильного потока связана глубокая потребность субъекта отрицать время, отменить его. Мы стремимся встать над временем. Нам надо видеть мир, как он есть, в том числе его изменения, а для восприятия изменений надо одновременно учитывать время и в то же время как бы отмыслить его, разместить объект в квазипространственном измерении, как в четырехмерном пространстве теории относительности (пространстве Минковского). Так рассуждал Мактаггарт, когда вводил понятие двух темпоральных серий: А-серии с наблюдателем и В-серии без наблюдателя [2]. В А-серии время движется, а в В-серии оно «уже состоялось». А-серия приоритетна, поскольку наблюдатель есть. Но мы, тем не менее, постоянно во-

прошаем о возможности В-серии. Нам надо иметь как бы взгляд Бога, взгляд на движущееся с точки зрения неподвижного.

Экзистенциально говоря, мы боимся времени. Оно слишком неумолимо и иррационально. Оно все поглощает и тут же выдает что-то неожиданное. Мы содргаемся в этом потоке. Мы хотим сказать времени «нет», по крайней мере, на какой-то срок. Свое личное время мы, конечно, не хотим остановить, а вот время мира – хотим. И у нас наработались определенные приемы выхода из времени мира. Мы умеем конституировать. Конституируя объекты, мы можем создать их для себя как бы неподвижными. Фактически мы называем пониманием конституирование чего-то, зафиксированного во времени. Понимание расположено не во времени, а в нашем внутреннем квазипространстве, нашем аналоге четырехмерного пространства Минковского. Именно это наше квазипространство меня интересует сейчас.

Имманенция и трансценденция

Эти два понятия я буду использовать только как относящиеся ко времени. План имманенции – это временной поток, в который мы погружены. В нем протекают все наши жизненные процессы, от физиологических до мыслительных. Есть точка t_0 , это миг настоящего. Ее обнимает временной горизонт, как назвал это Э. Гуссерль [3]. Помимо Гуссерля, об этом писали А. Бергсон [4] и У. Джеймс [5]. «Есть только миг между прошлым и будущим, именно он называется жизнь» – ошибочное утверждение, между прошлым и будущим лежит *отрезок* горизонта, состоящий из ретенции и протенции. В современной когнитивной науке этот отрезок даже пытаются замерить по часам (несколько секунд [5]). Этот временной горизонт лежит в самом основании нашего переживания времени и вообще любого нашего переживания, в том числе любой мысли. В чисто имманентном времени мы бы ничего не смогли подумать.

Однако вообразим себе чистый план имманенции. Это состояние фактически без сознания, без понимания, без проектов, без соотнесения происходящего с произошедшим и будущим, это существование на рефлексх нервной системы, в нем нет возможности самоотношения и самопонимания. Из плана имманенции нельзя выйти. Что-то спонтанно приходит в голову, спонтанность воображения допускал и Кант. Далее оно может тормозиться, если так сложились предыдущие рефлексы, или может выйти в план поведения и действий (включая мыслительные действия). Такая спонтанность имела бы большую долю хаоса. Управлять ею было бы некому.

Фактически «кто» – это сам субъект, который стоит от самого себя в некотором отдалении. Только так он может управлять машиной собственной психики. Он строит проекты будущих мыслей, он ставит себе цели. Прежде чем написать данную статью, я разработала замысел, потом разложила его на длинный подробный план. Замыслы и планы тоже трудно поместить в план имманенции времени. Писать из плана имманенции – значит писать подряд все то, что приходит в голову. Но по большей части мы так не пишем. Мы, замышляющие, плывем в реке времени, но высунув голову для обзора и с некими подобиями руля.

План имманенции не допускает самоотношения, поскольку для отношения к самому себе надо отстраниться и от себя, и от того, что происходит.

Можно взять для примера управление поведением, например, ориентацию на то, чтобы выглядеть достойно и красиво. Уже это требует соотнесения себя с некими ценностями, которые полностью никогда не бывают погружены в план имманенции. Взгляд на себя – всегда взгляд хотя бы отчасти из точки трансценденции. Хайдеггер говорил о трансценденции как о «выдвинутости в Ничто» [6. С. 22]. Религия говорит о священном как о трансценденции. И даже попросту говоря, трансцендентную точку формирует интериоризованный взгляд Других, взгляд референтной группы, Супер-Эго и т.д. Все это не требует никаких усилий специального конституирования, такие взгляды почти всегда сами собой сопровождают нас. Поэтому план имманенции никогда нас полностью и не захватывает.

Х. Плеснер ввел понятие «эксцентрическая позиция» субъекта [7. С. 122]. Это значит, что субъект сам находится не в центре самого себя. Центр переработки информации и даже управления поведением – это одно, а центр самоотношения субъекта – это другое. Причем второй центр может управлять первым. Ж. Пиаже писал, что маленький ребенок находится в состоянии эгоцентризма, он воспринимает весь мир как находящийся вокруг него, не смотрит на себя со стороны [8. С. 132]. Но взрослый уже не эгоцентричен, он может встать на точку зрения другого. Такого рода конструкции как раз и иллюстрируют антиимманентистскую позицию субъекта. В постмодерне, правда, пафос имманентизма возрождается. «Я хочет быть артикулированным в дискурсе», – пишут Дж. Поттер и М. Уэзерел [9]. Конечно, такое тоже есть. Но зрелый субъект все-таки стремится к некоторой непрерывности себя, к постоянству. А это уже не происходит само собой, тут нужны конституирующие усилия. И многие из нас их прикладывают.

Б. Уорф и А. Бергсон

Б. Уорф в статье «Отношение норм поведения и мышления к языку» [10] вводит ценное понятие «объективация», одно из значений которого – метафорическое пространственное представление вещей, которые онтологически пространственными не являются. Например, мы говорим: «эти два мнения *близки*» или, наоборот, «мы сильно *разошлись* во мнениях», «эта тема от меня *далека*», «все это – *куча чепухи*». А когда появился интернет (в компьютерах имеют место только байты), мы стали говорить: «*сайт*» (по-английски site – это участок), «*перейти* с сайта на сайт», «*серфинг*» и т.д. Мы очень часто раскладываем в уме пространственные представления. Уорф считал, что это западный тип мышления. Объективация по Уорфу – это выход из непрерывного потока времени и создание в нашем личном умственном квазипространстве как бы схемы объекта, его образа. Мы всегда стремимся все сосчитать, а для этого делим все на «штуки». Уорф сравнивает наше восприятие времени с восприятием людей индейского племени хопи. Для них время – чистый поток, никак не делящийся на штуки, в то время как мы его легко делим. Уорф уверяет, что у них нет фразы «десять дней», а есть только «на одиннадцатый день» (правда, Уорфа критиковали за недостаточную внимательность [11. С. 49, 53]). Как бы то ни было, наше время легко делится. Достаточно сказать о графиках физических процессов, где время откладывается по оси абсцисс. Именно о таких точках на линии говорит и Уорф, описывая нашу объективацию. Время – внутреннее чувство, это сказал еще Кант, и при этом объекти-

ваяция выводит его к пространственному представлению, переводит внешнее во внутреннее.

Объективация времени, объективация предметов, которые непрерывны, но которые нам всегда надо подсчитать, – корень западного мышления. Мы разрываем непрерывное время, чтобы создать из него последовательность искусственных отрезков. Уорф считает, что это лишает нас богатства, которое доступно в других культурах и которое состоит в интуитивном понимании времени как непрерывного и постоянного. За счет того что мы переводим нечто сугубо внутреннее (чувство времени) в нечто внешнее (последовательность пространственных отрезков), мы как бы даже теряем часть себя, отчуждаемся от себя, от своей интуиции.

Столь же выразительно писал об этом А. Бергсон. Бергсон предвосхитил идею Гуссерля о темпоральном горизонте. Гуссерль разворачивает ее на примере мелодии, Бергсон – на примере маятника:

«Когда я слежу глазами за движениями стрелки на циферблате часов, соответствующими колебаниям маятника, я отнюдь не измеряю длительность, как это, по-видимому, полагают: я только считаю одновременности, а это уже нечто совсем иное. Вне меня, в пространстве, есть лишь единственное положение стрелки маятника, ибо от прошлых положений ничего не остается. Внутри же меня продолжается процесс организации или взаимопроникновения фактов сознания, составляющих истинную длительность. Только благодаря этой длительности я представляю себе то, что я называю прошлыми колебаниями маятника, в тот же момент, когда воспринимаю данное колебание» [4. С. 96].

Согласно Бергсону, в сознании есть и пространственный аспект, но гораздо более основополагающим аспектом является длительность. Пространственные (вернее, квазипространственные) распределения звуков связаны с нашей склонностью все считать. Пространство Бергсон увязывает с количеством, длительность – с чистым качеством.

Итак, будем различать две формы множественности, два совершенно различных определения длительности, две стороны жизни сознания. Под однородной длительностью, этим экстенсивным символом истинной длительности, внимательный психологический анализ обнаруживает длительность, разнородные элементы которой взаимопроникают; под числовой множественностью состояний сознания – качественную множественность; под «я» с резко очерченными состояниями – «я», в котором последовательность предполагает слияние и организацию. Но мы по большей части довольствуемся первым «я», т.е. тенью «я», отброшенной в пространство. Сознание, одержимое ненасытным желанием различать, заменяет реальность символом и видит ее лишь сквозь призму символов. Поскольку преломленное таким образом и разделенное на части «я» гораздо лучше удовлетворяет требованиям социальной жизни в целом и языка, в частности, сознание его предпочитает, постепенно теряя из виду наше основное «я» [4. С. 105].

Относительно символической природы сознания должно быть отдельное исследование, мне же здесь важен пространственный аспект сознания: сознание его само создает. Внутри себя оно длится, но оно хочет различать, например, удары часов – и как бы выпадает в пространственное мышление, располагает эти удары во внутреннем пространстве, только тогда оно может их пересчи-

тать. Причем Бергсон ясно пишет, что наше основное «я» интуитивно, качественно, непрерывно, оно погружено не в пространство, а в длительность (*durée*). Мы же выходим к «тени „я“, отброшенной в пространство», к некоему ложному Я, с которым, однако, легче жить социально. Весьма вероятно, что Бергсон был прав, однако я считаю, что тут дело в не социальности. С пространственным Я легче жить и самому субъекту. Он прибегает к объективации, чтобы приручить мир, разметить его, сделать рациональным. Внутренний поток слишком иррационален. Его трудно даже удержать в памяти. С нашим истинным Я нам трудно. Потребность убежать от себя лежит глубоко в природе человека (думаю, Плеснер тоже это имел в виду).

Процессы и их времена

Когда мы наблюдаем ход какого-то процесса – а все вообще есть в некотором смысле какой-то процесс, – то мы пытаемся вычленить единичный процесс, найти в нем некие константы, нарисовать его график, изучать его связи с другими соседними процессами. Так, в пример процесса можно привести слушание песни. Это единичный цельный процесс, замкнутый на себе, хотя открытый наблюдателю – слушателю. У него есть ярко выраженное собственное время. Он имеет начало, развитие, завершение. И любой процесс имеет собственное время. Их времена могут не иметь друг к другу никакого отношения, даже если процессы пересекаются. Они могут пересекаться, если выход одного процесса является входом для другого. Или они могут задействовать каждый внутри одну и ту же сущность. Таковы, например, биохимические процессы в клетках. Каждый процесс можно вычленить и рассматривать как отдельный, хотя они и пересекаются.

Процесс есть некая отдельность, некая целостность. Конечно, он завязан на отдельность своего субстрата, но не обязательно один субстрат соответствует одному процессу. Например, жизнь одного человека – это сразу множество процессов. Процесс писания статьи – это не тот же процесс, что слушание музыки, хотя они происходят на субстрате одного и того же человека.

Объемлющее время для двух процессов может отсутствовать, тогда они просто непереводимы друг в друга, несоотносимы. Однако если имеется наблюдатель, то объемлющее время – это время наблюдателя. Собственно, именно время наблюдателя нам прежде всего и хочется назвать настоящим временем. Если процессы идут без наблюдателя, то есть ли в них время? Теоретически есть, но это время, говоря по-мактаггартовски, В-серии. А мы хотим всегда иметь А-серию, раскрытую наблюдателю, с выделенной точкой «сейчас». У процесса самого по себе, в его времени, никакой выделенной точки «сейчас» нет. На четырехмерной координатной плоскости он имеет вид тоже четырехмерного «червя». Так это выглядит с позиции, в которой время уже не идет, оно состоялось. А наблюдатель привносит движение.

Однако тот же наблюдатель, вычлениая процессы, всегда начинает их делить, подсчитывать, привносить собственную объективацию. Наблюдатель сворачивает процессы в схемы. Пример – изучение работы сердца. Врач снимает кардиограмму, на ней видно несколько тактов сердца, но врач осуществляет «свертку» в один такт. Изучая процессы, мы стремимся лишить их времени, зафиксировать некую схему, паттерн, шаблон. Н. Решер даже писал, что то, что не имеет паттерна, процессом вообще не является

[12. Р. 76] (но я с этим не согласна). Изучаем мы остановленные процессы, мы изучаем схемы.

Вневременность смысла

Темпоральность и смысл

Мы всегда как-то понимаем, что происходит. Понимание – это конституирование смысла, это соотнесение нового с уже известным, некое обживание этого нового, построение внутри нас его образа, представления о нем. Течение времени не прекращается, но смысл конституируется во вневременном «пространстве» («пространстве смыслов»). После того как он появился, он будет с нами и дальше, вступая во все новые конституирования, привнося прошлый опыт. Чтобы создать смысл, мы должны некоторым образом выйти из иррационального потока новизны.

Например, рассмотрим беседу. Если бы она целиком протекала во вневременном измерении и больше нигде, она состояла бы из шагов типа «стимул–реакция». Иногда такое и бывает, например, когда участники только здороваются. Тогда фраза «Привет, как дела?» вызывает в ответ «Привет, нормально, а у тебя?». Это обмен репликами без смысла именно по принципу «стимул–реакция». Однако если беседа идет дольше и касается серьезных вещей, участники помнят, что было сказано, возможно, полчаса назад. Это апеллирует, конечно, к гуссерлевскому темпоральному горизонту, к удерживанию прошлого в настоящем, т.е. ретенции. Но не только. Сказанное требует обдумывания. Мы слышим собеседника и принимаем сказанное им всерьез, для чего ищем в своем мысленном мире возможности связать это сказанное с тем, что у нас уже было, что мы уже знаем. В этот момент мы выходим из потока времени. Наш мысленный мир не течет со временем, он во многом неподвижен и постоянен. Нам надо расположить новую информацию, найти свою собственную релевантную информацию, обработать поступившие данные синтаксически и семантически. Все это происходит и во времени, и вне времени. Время всегда течет, но построение смысла может не зависеть от этого потока. Ну, хотя бы в том, что вчера и сегодня я понимаю одно и то же одинаково. Этого может и не быть, но может и быть. Мой мысленный мир имеет явные признаки статичности. Если бы он все время менялся, вряд ли понимание было бы возможно.

Смысл выводит нас к некоторой трансценденции. Есть мир смыслов, причем его сущностной характеристикой является то, что он принадлежит не только мне как субъекту, но и другим субъектам, он интерсубъективен. Кроме того, есть идеальные смыслы – например, в мышлении математиков (да и любом другом научном мышлении, в том числе и у философов). Они вообще не зависят от времени, они остаются постоянными всегда. Выходя к этим смыслам, мы выходим из имманентного потока времени и приобщаемся к вневременности. Если беседа двух мыслящих субъектов протекает продуктивно, они оба находятся в трансцендентном мысленном мире. Мы в нем движемся, но сам он неподвижен.

Понятно, что такая беседа разворачивается совсем не по законам ассоциаций. Юм мог говорить, что мысли группируются ассоциативно, но ассоциации не дают настоящего понимания. Ассоциации – это вариант разворачи-

ния мысли по закону «стимул–реакция», ассоциация – это реакция. Но, скажем, логика требует совсем других законов. По законам ассоциаций будут постоянно возникать логические ошибки («Если А, то Б. Не-А. Следовательно, не-Б»). В логичном, ответственном мышлении всегда присутствует нормативность. Логика нормативна, законы продуктивной беседы нормативны. В имманентном потоке нет возможности обратиться к этой нормативности, она находится «над» имманентностью. В то же время она работает над производством смыслов, очищая от некорректных умозаключений, предоставляя возможность выходить к идеальным схемам. Идеальные схемы беседы всегда существуют наряду с тем, что говорится в потоке, даже в самых простых беседах. Хотя, конечно, чем проще тема, тем больше в беседе темпоральности, тем ближе она к закону стимулов и реакций. И все же, когда человек искренен в беседе, он реагирует не только на сказанное, он как бы обращается к самому себе, чтобы понять, что он сейчас по-настоящему хочет сказать. Искренность также выводит из темпоральности. Мы обращаемся к себе как к чему-то постоянному. Очень многие говорят, что Я непостоянно, что оно представляет себя в каждом случае по-разному, но это занижение планки. Мы можем быть и цельными, постоянными людьми. И тогда Я выходит к Ты из этой своей цельности. Это нечастый опыт, но он возможен.

Темпоральность музыки и ее рисунок

Люди любят слушать музыку. Многие (в том числе я) нередко переслушивают любимые произведения, хотя, казалось бы, зачем? Ведь новой информации у них не появляется. Тем не менее, действует эстетическое переживание. Мы хотим вновь и вновь слушать полюбившуюся мелодию. Что происходит в это время? Я полагаю, наступает особое состояние наполнения времени чем-то осмысленным, чем-то, что имеет начало и конец, что развивается, что имеет свои внутренние законы.

Для простоты можно взять песню или любую популярную классическую мелодию. Музыка всегда звучит во времени, это однозначно, и в то же время мы прослеживаем логику мелодии, ее схему, мы схватываем *рисунок* мелодии. Об этом пишут многие философы музыки, например Р. Скрутон [13] и Х. Эгтебрехт [14]. Если речь о песне, то у нее структура, состоящая из четверок, иногда такую структуру в музыковедении называют квадратной. В такте размер 4/4, в строке 4 такта, в строфе 4 строки, в самой песне может быть 4 куплета. Мы схватываем эту квадратность и каждый раз ждем завершения. Может показаться, что мы ждем завершения во времени, и это тоже, конечно, так, но сама структура времени не имеет, структура всегда неподвижна.

Вот что пишет Р. Скрутон:

«Музыкальное понимание в каждом случае является вопросом понимания того, каким образом одно музыкальное событие вызывает следующее. А удовлетворение приходит от *восприятия порядка и дисциплины* в том, что с акустической точки зрения является не более чем последовательностью звуков» (курсив мой. – Е.К.) [13. С. 36].

«Поскольку звуки – это чистые события, мы можем отделить их в мыслях и опыте от их причин и наложить на них порядок, совершенно независимый от любого физического порядка в мире. Я предполагаю, что это происходит при „акусматическом“ восприятии звука, когда люди сосредото-

чиваются на самих звуках и на том, что в них можно услышать. То, что они тогда слышат, – это не последовательность звуков, а движение между тонами, управляемое *виртуальной причинностью, присущей музыкальной линии*. Только разумное существо, обладающее самосознанием, намерением и способностью представлять мир, может воспринимать звуки таким образом» (курсив мой. – Е.К.) [13. Р. 5].

Здесь Скрутон имеет в виду, что музыкальное понимание – это, как любое понимание, конституирование смысла. Виртуальная причинность в развертывании мелодии – это та же логика мелодии. В ней есть зачин и разрешение, есть напряжение, тяготение и разрешение. Все это звучит, но при этом мы схватываем логику этого звучащего потока и выходим из потока. Мы можем предугадать, как будет заканчиваться мелодия, потому что это тоже логика. Мы любим мелодию, и это наше восхищение сродни восхищению орнаментом, архитектурой, математикой.

О постоянстве конституируемого объекта пишет и Гуссерль:

«...здесь имеет место непрерывность схватываний, над которой господствует *тождество смысла* и которая находится в непрерывном совпадении [с ним]. Это совпадение относится к вне-темпоральной материи, которая именно в потоке сохраняет для себя тождественность предметного смысла. Это имеет силу для каждой Теперь-фазы» [3. С. 68] (курсив мой. – Е.К.).

Как же теперь, вопреки феномену постоянного изменения сознания-времени, осуществляется сознание объективного времени и, прежде всего, тождественных временных позиций и временного протяжения? Ответ таков: вследствие того, что вопреки потоку темпорального отодвигания, потоку модификаций сознания, объект, который являет себя как отодвинутый, апперцептивно сохраняется как раз в абсолютной тождественности, и притом объект вместе с полаганием в Теперь-точке опыта как «это». Постоянная модификация схватывания в постоянном потоке не затрагивает «чтойности» («als was») схватывания, т.е. смысла, «она не полагает никакого нового объекта и никакой новой фазы объекта, она не выявляет никакой новой временной точки, но постоянно [полагает] тот же самый объект с теми же самыми его временными точками» [3. С. 69].

Тождество смысла, говорит Гуссерль, сохраняется при «движущемся» характере объекта.

Может быть, мы поэтому и любим слушать музыку, что она на некоторое время заменяет нам иррациональный хаос текущего времени на размеченное, упорядоченное, прирученное время? Вот как эту идею высказал композитор Б. Филиновский: «Лично для меня предмет музыки – свертываемость времени в уопостигаемые структуры» [15. С. 21]. Музыка несет в себе уопостигаемую структуру, и пока она звучит, наш ум ее воспринимает как что-то правильное, что-то, имеющее смысл. И выход из стихийного потока времени. Происходящее становится *понятным*, а не только лишь предвидимым, как было бы, если бы существовал только темпоральный горизонт с ретенцией и протенцией. Помимо горизонта осуществляется выход к вневременности. Вневременное как бы «всегда понятно», понятно само по себе.

Но, конечно, вневременной аспект музыки очень тесно спаян с временным. Мы иногда как бы носим в себе любимую музыку, и она звучит у нас внутри. Тогда упорядочение времени происходит даже без обращения к

внешним звукам. У нас внутри звучат любимые отрывки из мелодий. И это тоже упорядочение времени.

Квазипространственность рефлексии

Куда мы попадаем, выходя из потока времени? Это некий неподвижный идеальный мир смыслов, что-то, напоминающее выход из пещеры Платона. Смыслы идеальны, конечно, не в том смысле, что божественны, нет, мы их сами конституируем, в опоре на интерсубъективность (впрочем, возможны, я полагаю, и чисто личные смыслы). Этот мир не пространственный, он квазипространственный. В нем разворачивается наше понимающее бытие. Понимать – это всегда протягивать связь от настоящего к прошлому и наоборот. Отчасти мы можем и предвидеть будущее.

В этом же квазипространстве разворачивается и жизнь рефлексии. Конечно, рефлексия происходит над событиями, которые случаются во времени. Сама рефлексия, как и абсолютно все в нас, тоже происходит во времени. Но смысл рефлексии вневременной. Она берет за основу произошедшее событие и строит отношение к нему, как бы связанное с некоей трансцендентной точкой. Она вырывает нас из самих себя. Исток рефлексии может быть в интериоризованном взгляде Других на нас. Мы могли приобрести его в детстве, когда родители на нас смотрели и учили жить. С тех пор в нас создан второй полюс управления, о котором писал Плеснер. Наша субъектность имеет как бы форму эллипса, с двумя фокусами – полюс непосредственных впечатлений и рефлексивный полюс. И тот и другой могут принимать участие в принятии решений, но непосредственный принимает их по присущей ему схеме «стимул–реакция», в то время как рефлексивный действует обдуманно. Рефлексивный полюс всегда выводит нас из времени, без этого рефлексия не смогла бы осуществляться, она была бы сиюминутной. Но о возможности обдумывать происходящее свидетельствует простой опыт жизни любого субъекта. Тогда мы смотрим на него как бы из трансцендентной точки. Мы располагаем его в квазипространственном мире мысли.

И благодаря этой трансцендентной точке у нас появляется возможность выстраивать отношения с собой, с миром, с Другими и т.д. Хайдеггер писал о том, что субъект «выдвинут в Ничто». Конечно, опыт Ничто и ужаса – не частый опыт, субъект может быть «выдвинут» в трансцендентную точку и помимо Ничто. У нас просто есть такая возможность, она обеспечивается эксцентрической позицией по Плеснеру. Искаженность субъекта может быть достаточно мучительна, мы далеко не всегда стремимся к рефлексии и самоотношению. М. Аркадьев пишет в этой связи о «фундаментальном бессознательном» и «фундаментальном сознании» [16. С. 52]. Мы можем стремиться раствориться в бессознательном, и тогда мы впадаем в план имманенции. Но на сознание мы обречены, и тем самым обречены выходить из имманентного в трансцендентное. Мы выстраиваем себя через отстранение от самих себя. Способность отстранения совпадает со способностью отвлечься от хода времени. Скорее всего, отстранение первично и изначально происходит просто на основе способности к речи, как это предполагает Аркадьев. Тогда оно еще не является рефлексией, это только первые попытки. В дальнейшем оно совершается в мыслительном квазипространстве, которое мы выстраиваем для себя.

Вневременные сущности

Ценности, оценки, цели, проекты, истины – все это существует у нас в сознании (или в подсознании) атемпоральным образом. Здесь я не хочу сказать, что ценности, цели и так далее не меняются в течение жизни – конечно, меняются. Но в каждый момент, когда мы обращаемся к цели, мы считаем ее постоянной и не зависящей от времени.

Понятно, что обращение к ценности и к цели происходит в процессе деятельности. Мы всегда погружены в какую-то деятельность. Сейчас я печатаю статью, это обычная деятельность научного работника. И понятно, что я нахожу слова, находясь в потоке, но это слова для тех мыслей, которые были у меня давно и которые в моем мысленном мире расположены вневременным образом. Они расположены в квазипространстве ума. Когда мы пишем, мы приводим их в темпоральное бытие, но читатель прочитает и тоже расположит их вне времени. О мыслях нельзя говорить только в терминах темпоральности, обязательно надо полагать квазипространство.

Я назвала еще проекты. Казалось бы, проекты – вещь чисто временная. Кажется, именно так вводит это понятие Хайдеггер (В. Библихин переводит Entwurf как «набросок»): это наш выход из настоящего в будущее [17. С. 145]. То, что Хайдеггер толкует как будущее, я толкую как вневременное. Конечно, проекты относятся к будущему. Мы живем будущим, мы редко пребываем умом в чистом настоящем. Я думаю о том, что я пишу, в свете того, что я хочу написать позже (и в свете того, что уже написала, т.е. это типичный горизонт с ретенцией и протенцией). Мою работу можно трактовать как разворачивание замысла.

Проблема проекта в том, чего он хочет добиться, т.е. проблема в цели. Эта цель может быть сиюминутной (я хочу выпить чай и наливаю заварку). Но эта цель может и выходить из потока. Поэт хочет написать стихотворение. Женщина хочет родить ребенка. Политик хочет снизить уровень инфляции в стране. Среди этих проектов есть и приземленные, есть и возвышенные. Но такие проекты не вытекают из стихии деятельности, а подчиняют себе деятельность. Деятельность имманентна, она погружена в стихию времени. Имманентность здесь понимается как что-то имеющее цели в самом себе. Но частично проекты поднимаются над деятельностью, они выходят в царство целей и ценностей. У проектов сложная диалектичная связь с деятельностью, они и вытекают из нее, и управляют ею, и можно рассматривать проекты, которые нацелены именно на управление. И тогда они выходят из имманентности. Мы обнаруживаем себя, говоря словами Хайдеггера, выдвинутыми в трансценденцию.

Среди вневременных сущностей я назвала также истины. Здесь можно обратиться к любой науке, в особенности, конечно, к математике. Очевидно, что математические законы вечны. Этим я не хочу сказать, что математика не меняется. Хорошо известны аргументы от Шпенглера до Блуга, что математика может быть разной в разных культурах. Тем более это относится к другим наукам. Психиатрия, например, совершенно разная. Но в каждый момент в творчестве ученого совокупность истин его науки предстает ему как нечто вневременное. Это настолько очевидно, что хотелось бы скорее спросить себя, как в мышлении ученого реализуется не вечность, а временность. Как он ищет ответы на свои вопросы в мире идей? Мышление ученого – вопроша-

ние. Он задает вопросы, формулирует их, ищет уже известное, переводит его на нужный ему язык. Он строит проекты мысли.

Что такое проект мысли? Это не совсем ясно. Когда мы разрабатываем проекты деятельности, как правило, свою цель мы видим, мы о ней можем подумать, мы знаем, к чему стремимся (хотя бы на кратких отрезках времени). Если у меня проект выпить чай, то я хорошо понимаю, что надо сделать и как это будет. Но если у ученого проект написать статью, как он может о ней думать, когда ее еще нет? Мыслительные проекты реализуются в отсутствие материала. Мы думаем над загадкой, а что думать – не знаем и ищем наощупь какие-нибудь подходящие мысли.

По-видимому, такого рода мышление надо назвать интуицией. Это некое предчувствие мысли, смутное сознание «искать надо там». Собственно, именно об интуиции писал Бергсон, исследуя темпоральные аспекты нашего Я. Интуиция находится в области темпорального сознания, она не поднимается в точку трансценденции. Она – необходимый инструмент, чтобы работать во временном потоке. Но как устроена интуиция, которая поставляет нам проекты мыслей и догадок, – это загадка. Тут могут работать и законы ассоциаций, и какие-то структурные усмотрения, и способность воображения, о которой Кант написал «слепая способность души» [18. С. 85]. По-видимому, исследование интуиции на сегодняшний день лежит в области когнитивной психологии.

Выход из временности

Двойственность субъекта и понимание

Мы уже видим, что субъект принадлежит двум онтологическим регионам – темпоральному и атемпоральному. В религиозном аспекте рассмотрения это означает, что его тело погружено во временной поток, а душа может выходить из этого потока к трансценденции и подниматься над временем. На языке современной аналитической философии это можно выразить так: рассмотрение субъекта от третьего или от первого лица. Если от третьего лица, то мы видим его погруженным во временной поток. Он действует во времени, он подчиняется одним каузальным связям и сам инициирует другие. Каузальность от третьего лица тоже протекает во времени, причина предшествует следствию. Если смотреть извне, все подчинено времени, все движется, все меняется, все проходит.

Причастность субъекта вневременному региону открывается при взгляде «изнутри» субъекта, от первого лица. Тогда становится видно, что субъект предстоит трансценденции. Открывается квазипространство его внутреннего мира, в котором происходит конституирование смыслов, соотнесение с истинной и ценностями, полагание проектов. В своем мире мыслей субъект перебирает разные временные точки, которые являются как бы аттракторами его деятельности. Он скользит по воображаемому будущему. Он и погружен во время, и мысленно выходит из него.

Что же такое это квазипространство, этот вневременный внутренний мир? Очевидно, потенциально оно дано нам, но мы сами наполняем его актуальным содержанием. Мы всегда хотим что-то понять. Ученый может хотеть понять научную проблему, но и самый обычный человек хочет понять свою

жизнь. Понять, что происходит, что делают и думают другие люди, что ему предстоит в будущем. Понять – значит вывести из потока времени в некую вневременную плоскость, на которой начертаны причины и следствия. Эти причины и следствия действуют, конечно, во времени, но они постоянны в разных ситуациях, сами по себе они «всегда таковы». Мы хотим приобщиться к тому, что «всегда таково». Когда наше сознание что-то понимает, оно радуется, оно чувствует облегчение. Само по себе понимание жизни может быть и нерадостным, жизнь жестока. И все-таки понимать ее – наше стремление, в этом заключена подлинность отношения к жизни. Если некто выбирает пребывать в самозамкнутости и иллюзиях, тогда у него выход из времени может быть закрыт.

Таким образом, в квазипространстве внутреннего мысленного мира мы располагаем наше понимание жизни, или каких-то теоретических задач, или людей, или искусства, или любое понимание. Любое понимание претендует на общий, не-сиюминутный характер [19]. Нельзя понять только одну какую-то вещь или одно событие. Если понимание происходит, оно всегда задействует общие законы. Даже если мы, как В. Дильтей, противопоставляем понимание и объяснение [20. С. 15], все равно понимание не бывает единичным, оно соединяет что-то одно с чем-то другим. Оно всегда совершается «над» временным потоком.

А. Ф. Лосев: интегрирование

Когда мы движемся в потоке времени, мы замечаем изменения, а то, что не меняется, нам довольно трудно отрефлексировать. У А. Ф. Лосева в произведении «О методе бесконечно малых в логике» [21] есть интересная идея о том, что в движении мы имеем дело с производными в смысле математического анализа. Производная – это отношение приращения функции к приращению аргумента. Аргументом здесь является время. Функцией – бытие любой вещи, вернее, его отражение в сознании. И производная функции – это изменение в нашем восприятии. Мы прежде всего воспринимаем именно производные от «вещей», мы находимся в стихии становления.

Затем, пишет Лосев, наступает очередь интегрирования. Это некий особый процесс в нашем уме, который по производной восстанавливает саму функцию, ее первообразную или неопределенный интеграл. Интеграл нам не дан, мы сами его строим. Таким путем происходит возврат к неподвижным вещам, к вещам вне времени. По Лосеву, так образуются понятия о вещах в нашем уме:

«Понятие есть, таким образом, интеграл смысла, ибо оно возникает только после рефлексирования этого смысла вещи с точки зрения изменений самой вещи, т.е. только после перехода его в становление; обратное движение от этого становления смысла к его цельности и неделимости и есть интегрирование, а результат этого перехода от становления к устойчивой цельности, т.е. к ставшему, – это и есть интеграл» [21. С. 608].

Таким образом совершается выход из времени, из стихии становления. Наша способность интегрировать производные есть залог выхода к вневременности, выхода из мира производных. И дифференцирование, и интегрирование – это операции со временем, с бесконечно малым приращением вре-

мени, *dt*. Мы снабжены возможностью так оперировать с этим *dt*. Лосев не пишет, откуда у нас эта возможность. Это просто свойство нашего ума.

Таким образом, из всего сказанного следует, что время течет неумолимо, и мы, субъекты, погружены в этот поток. Мы сами движемся во времени и наблюдаем, как движется мир вокруг нас. Многие хотели бы хоть иногда замедлить или остановить время, сделать что-то вечным, постоянным. Время никогда не остановится, но у субъекта есть выход к вневременному миру.

Относительно механизма этого выхода можно размышлять, но сам выход нам дан. Мы понимаем определенные вещи, располагая наше понимание в квазипространстве мысленного мира. Мы созерцаем квазипространство. Законы науки, законы повседневной жизни, законы искусства – все это находится вне времени, но при этом нам отчасти доступно. У нас есть особое отношение – отношение к трансценденции. Субъект всегда находится в плане имманенции, но в то же время ему дан выход к некоей трансцендентной точке, к той точке, где все «само по себе таково». Так совершается любое понимание, любое конституирование смысла. Смысл по существу своему имеет вневременной характер. Мы подгоняем нечто единичное (оно же временное) к чему-то всеобщему, постоянному (оно же вневременное).

Без понятия о вечном не было бы и понятия о временном. И понятие о временном лежит в основе приобщения к вечному.

Список источников

1. Князева Е.Н. Рождение концепции энактивного и телесного познания // Энактивизм: новая форма конструктивизма в эпистемологии. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2014.
2. Emery N., Markosian N., Sullivan M. McTaggart's Argument // Time. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/time/#McTaArgu> (accessed: 12.12.2023).
3. Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени. М. : Логос : Гнозис, 1994.
4. Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания // Собр. соч. : в 4 т. М. : Моск. клуб, Т. 1. 1992.
5. Dainton B. William James // Temporal Consciousness. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2023/entries/consciousness-temporal/> (accessed: 12.12.2023).
6. Хайдеггер М. Что такое метафизика? // Время и бытие. М. : Республика, 1993.
7. Плеснер Х. Ступени органического и человек. Введение в философскую антропологию // Проблема человека в западной философии : сб. / ред. П.С. Гуревич. М. : Прогресс, 1988.
8. Пиаже Ж. Психология интеллекта. СПб. : Питер, 2004.
9. Поттер Дж., Уэзерел М. Дискурс и субъект. URL: http://psylib.org.ua/books/_pottu01.htm#1
10. Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике / ред. В.А. Звегинцев. М. : Изд-во иностр. лит., 1960. Вып. 1. С. 135–168.
11. Пинкер С. Язык как инстинкт. М. : Едиториал УРСС, 2004.
12. Rescher N. Process Metaphysics: An Introduction to Process Philosophy. New York : State University of New York Press, 1996.
13. Scruton R. Understanding Music. Philosophy and Interpretation. Continuum UK, London, 2009.
14. Eggebrecht H.H. Understanding Music. The Nature and Limits of Musical Cognition. Routledge, New York. 2016.
15. Филановский Б. Шмоцарт. СПб. : Jaromír Hladík press, 2020.
16. Аркадьев М. Лингвистическая катастрофа. СПб. : Изд-во Ивана Лимбиха, 2013.
17. Хайдеггер М. Бытие и время. М. : Ad Marginem, 1997.
18. Кант И. Критика чистого разума. М. : Мысль, 1994.
19. Grimm S. Understanding. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2021/entries/understanding/>

20. Дильтей В. Описательная психология. СПб. : Алетейя, Кренов, 1996.

21. Лосев А.Ф. О методе бесконечно малых в логике // Хаос и структура. М. : Мысль, 1997. С. 609–730.

References

1. Knyazeva, E.N. (2014) *Enaktivizm: novaya forma konstruktivizma v epistemologii* [Enactivism: A New Form of Constructivism in Epistemology]. Moscow, St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives.
2. Emery, N., Markosian, N. & Sullivan, M. (n.d.) *McTaggart's Argument*. [Online] Available from: <https://plato.stanford.edu/entries/time/#McTaArgu> (Accessed: 12th December 2023).
3. Husserl, E. (1994) *Fenomenologiya vnutrennego soznaniya vremeni* [Phenomenology of Inner Time Consciousness]. Translated from German. Moscow: Logos; Gnozis.
4. Bergson, A. (1992) *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Selected Works in 4 vols]. Vol. 1. Moscow: Moskovskiy klub.
5. Dainton, B. (2023) *William James*. [Online] Available from: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2023/entries/consciousness-temporal/> (Accessed: 12th December 2023).
6. Heidegger, M. (1993) *Vremya i bytie* [Time and Being]. Translated from German. Moscow: Respublika.
7. Plessner, H. (1988) Stupeni organicheskogo i chelovek. Vvedenie v filosofskuyu antropologiyu [Stages of the organic and man. Introduction to philosophical anthropology]. In: Gurevich, P.S. (ed.) *Problema cheloveka v zapadnoy filosofii* [The Problem of Man in Western Philosophy]. Moscow: Progress.
8. Piaget, J. (2004) *Psikhologiya intellekta* [The Psychology of Intelligence]. Translated from French. St. Petersburg: Piter.
9. Potter, J. & Wetherell, M. (n.d.) *Diskurs i sub"ekt* [Discourse and Subject]. [Online] Available from: http://psylib.org.ua/books/_pottu01.htm#1 (Accessed: 12th December 2023).
10. Whorf, B. (1960) Otnoshenie norm povedeniya i myshleniya k yazyku [The Relation of Habitual Thought and Behavior to Language]. In: Zvegintsev, V.A. (ed.) *Novoe v lingvistike* [New in Linguistics]. Vol. 1. Moscow: Izd-vo inostrannoy literatury. pp. 135–168.
11. Pinker, S. (2004) *Yazyk kak instinkt* [Language Instinct]. Translated from English. Moscow: Editorial URSS.
12. Rescher, N. (1996) *Process Metaphysics: An Introduction to Process Philosophy*. New York: State University of New York Press.
13. Scruton, R. (2009) *Understanding Music. Philosophy and Interpretation*. Continuum UK, London.
14. Eggebrecht, H.H. (2016) *Understanding Music. The Nature and Limits of Musical Cognition*. Routledge, NY.
15. Filanovsky, B. (2020) *Shmozart*. St. Petersburg: Jaromír Hladík press.
16. Arkadiev, M. (2013) *Lingvisticheskaya katastrofa* [Linguistic Disaster]. St. Petersburg: Ivan Limbikh.
17. Heidegger, M. (1997) *Bytie i vremya* [Being and Time]. Translated from German. Moscow: Ad Marginem.
18. Kant, I. (1994) *Kritika chistogo razuma* [The Critique of Pure Reason]. Translated from German. Moscow: Mysl'.
19. Grimm, S. (2021) *Understanding*. [Online] Available from: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2021/entries/understanding/> (Accessed: 12th December 2023).
20. Dilthey, W. (1996) *Opisatel'naya psikhologiya* [Descriptive Psychology]. Translated from English. St. Petersburg: Aleteyya, Krenov.
21. Losev, A.F. (1997) *Khaos i struktura* [Chaos and Structure]. Moscow: Mysl'. pp. 609–730.

Сведения об авторе:

Косилова Е.В. – доктор философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: implicatio@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Kosilova E.V. – Dr. Sci. (Philosophy), associate professor of the Department of Ontology and Theory of Knowledge, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: implicatio@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 14.12.2023;
одобрена после рецензирования 23.01.2024; принята к публикации 04.03.2024
The article was submitted 14.12.2023;
approved after reviewing 23.01.2024; accepted for publication 04.03.2024*